

Д. Григорова. ИМПЕРИЯ ФЕНИКС. МЕЖДУ СЪВЕТСКОТО МИНАЛО И ЕВРАЗИЙСКОТО БЪДЕЩЕ. София: Военно издателство ЕООД, 2015, 192 с.

Д. Григорова. ИМПЕРИЯ ФЕНИКС. МЕЖДУ СОВЕТСКИМ ПРОШЛЫМ И ЕВРАЗИЙСКИМ БУДУЩИМ. София, 2015, 192 с.

Рецензируемая книга – результат огромной, без всякого преувеличения, исследовательской работы Дарины Григоровой. Давно, с постоянным и неослабевающим интересом наблюдая за становлением коллеги из Софийского университета, считаю своим долгом прежде всего констатировать: представленная монография – свидетельство научной зрелости исследователя. В сравнительно короткое время Д. Григорова стала европейски признанным авторитетом по истории России XIX–XXI вв., и особенно в области интеллектуальной истории и национальных отношений. Поэтому представляется закономерным и даже неизбежным ее обращение к евразийской тематике, к становлению новых национальных историй и национальных идентичностей в России и у ее ближайших соседей на постсоветском пространстве.

Как и в предыдущих работах, среди которых особого внимания заслуживает исследование «Евразийство в Русия» (София, 2008), в представленной монографии Д. Григорова точно и изящно соединяет собственно исторический анализ источников и описываемых на их основе событий с междисциплинарным подходом, умело и научно значимо обращаясь к методам, характерным для политологии, этнологии, теории международных отношений и культурологии. Широкие хронологические рамки исследования также обоснованы и являются его немаловажным преимуществом. Критически оценивая предлагаемые разными авторами (Л. А. Радзиховский, Ю. С. Пивоваров, Б. Ю. Кагарлицкий, Д. Биллингтон, Р. Пайпс) подходы к периодизации истории постсоветской России, Д. Григорова четко определяет хронологические границы работы: 8 декабря 1991 г. – 16 марта 2014 г. От Беловежских соглашений до Крымского референдума, который, по мнению автора, стал не просто символическим актом восстановления позиций великой державы, утерянных после распада СССР, но и событием, имевшим наибольший общественный резонанс за всю историю постсоветской России.

Исследователем поставлена серьезная задача: изучение национальной идентичности постсоветской России, Украины и Беларуси, что не только в высшей степени актуально (особенно, возможно, для зарубежной историографии), но и исключительно сложно в научном отношении. Среди современных

историков нет ни единства в понимании общетеоретических вопросов применительно к понятию «идентичность», ни терминологической определенности. Понятия «национальная идентичность», «русская идентичность», «российская идентичность» используются в высшей степени произвольно, без четкого определения дефиниций, что порой делает наблюдения и выводы исследователей малоубедительными. В этом отношении следует приветствовать терминологическую точность рецензируемой работы. Во введении специально обговариваются вопросы определения «имперской» и «национальной» идентичности, которые Д. Григорова предлагает понимать как некий дуализм постсоветского дискурса. Удачно найденный образ двуглавого орла – своего рода птица Феникс – позволяет исследователю оперировать разнородным материалом, приводя его по возможности к некоему единому знаменателю: усилия власти (власти постимперской, постсоветской России) в деле строения/обретения национальной идентичности. Строго говоря, исследованию именно этой проблемы подчинено все содержание монографии, отдельные части которой на первый взгляд могут показаться разноплановыми.

Отличительной особенностью работы Д. Григоровой является привлеченный ею огромный фактический материал. Автор обращается как к традиционным, так и к более сложным для анализа источникам. Здесь и российские периодические издания разной партийной и общественной направленности, и публицистика (журнально-газетная, телевизионная, интернет-ресурсы). Автор хорошо знает постсоветскую кинематографию и умело использует документальную и художественную продукцию кинематографистов. Источники самого разного происхождения подвергаются критическому сравнительно-сопоставительному анализу, что придает авторским выводам дополнительную убедительность и репрезентативность. И, добавлю, выделяет труд Д. Григоровой на фоне историко-политологических работ, чьи авторы демонстрируют источниковедческую беспомощность.

Заслуживает быть отмеченным глубокое знание Д. Григоровой работ современных исследователей. В необходимых случаях ученый опирается на их выводы и суждения, хотя, надо признать, авторы, пишущие как в Рос-

сии, так и за ее пределами, нередко склонны к полемическим преувеличениям и опрометчивым оценкам, что нередко вызывает справедливую и обоснованную критику Д. Григоровой. Ее собственная позиция может быть охарактеризована как подчеркнуто научная: в работе дан взгляд историка, а не публициста.

Структура работы логична и подчинена решению главной для автора задачи. В высшей степени уместна первая глава ««Честная история»: История и власть в постсоветской России», которая может рассматриваться и как развернутый источниковедческий анализ, и как четко обозначенный переход от доктринального позднесоветского общественного сознания к постсоветскому стремлению к преодолению запретов и разрушению стереотипов. Стремлению, которое сейчас кажется либо наивным, либо вводящим в заблуждение. Игра в «честную историю» — увлекательное занятие, которому предавалась перестроечная и постперестроечная общественность, убежденная, что от нее «многое скрывали». Д. Григорова справедливо отмечает исключительно важную роль, которую сыграла «информационная/архивная революция» в ликвидации «белых пятен» советского прошлого. Позволю себе добавить, что раскрашивание «белых пятен» в разные цвета партийно-политического спектра объективно было неизбежным, но в научном отношении малопродуктивным. «Честная история», о которой пишет Д. Григорова, не интересовала ни общество, ни власть.

В данной главе, на мой взгляд, автор несколько сгущает краски, когда пишет об исторической цензуре в современной России. Рассматриваемое «дело» архангельского профессора М. Н. Супруна — частный случай, связанный с местными сиюминутными реалиями и оставшийся незамеченным историческим сообществом. Д. Григорова справедливо критикует наметившуюся в последние годы тенденцию к созданию единого/единственного учебника по истории России. Однако к ее наблюдениям можно добавить, что эта тенденция, очень отдаленно связанная с действительно актуальной проблемой воспитания патриотического сознания, не воплотилась в издательской практике и не заслуживает того, чтобы ее трактовали как апробацию нового «краткого курса». Представляется, что несколько преувеличено суждение о свертывании архивной революции и о стремлении к «засекречиванию» некоторых архивных материалов. Нет сомнения, что наведение определенного порядка в архивном деле стало назревшим и необходимым после того почти беспредельного хаоса, что царил в российских архивах начала 90-х годов XX в.

Вторая глава «Русский путь и моделирование российской идентичности» является центральной в работе. Моделирование идентичности (национальной, российской, русской, евразийской) исследуется как на материале государственной символики, праздников, общезначимых понятий, так и при обращении к отдельным общественно-политическим фигурам. Не без иронии Д. Григорова пишет о «демократии по-русски или по-евразийски» и обстоятельно исследует «демонизацию» образа Е. Т. Гайдара постсоветскими публицистами. Этот раздел главы видится уместным и значимым, но следовало бы подчеркнуть, что экономические сюжеты в работе не рассматриваются, тогда как именно в них заключаются истоки «демонизации» и отдельных личностей, и таких понятий, как «демократия» и «приватизация». Интересен материал о режиссерах Н. С. Михалкове и А. С. Кончаловском, в которых автор видит создателей «образа новой России». Позволю себе добавить: одного из «образов» и едва ли удачного, коль скоро речь идет об идеализации старой России.

Содержание третьей главы четко передается ее названием: «Украинский Янус: между Галицией и Малороссией. Формирование национального образа на фоне геополитической тектоники». Здесь автор обращается к хорошо ему известному историческому материалу XIX — начала XX в., анализирует наследие М. С. Грушевского и М. П. Драгоманова и справедливо констатирует наличие глубокого раскола, что существовал в украинской интеллектуальной элите и в значительной степени определялся ее принадлежностью к Российской либо к Австро-Венгерской империи. Сделанные выводы служат для Д. Григоровой ступенью к выявлению двух моделей постсоветской идентичности, что выявляются на современном белорусском и украинском материале. Здесь автор, по моему мнению, поднимается над общим уровнем современной исследовательской литературы, где нет ни ясно очерченных методологических подходов, ни стремления к подобной целостной постановке вопроса. Нет, разумеется, и сходства в оценочных суждениях. Проведенное сопоставление формирования постсоветских национальных идентичностей в России и у ее близких по историческим корням и национальным традициям соседей позволяет выявить различные стороны единого в своей основе процесса и обосновать как его онтологическое единство, так и диаметрально противоположную идейную направленность.

Замечу, что сосредоточенность автора исключительно на взаимоотношении власти и общества, на формировании «нового» общественно-политического мышления, на

идеологических процессах оставляет за пределами исследования не менее значимые факторы национального менталитета, безусловно влиявшие на постсоветскую идейную жизнь. В первую очередь, это конфессиональные и этноконфессиональные вопросы, без учета которых невозможно изучение украинских национальных/националистических движений и идейных метаний, а также проблемы досоветского и советского образования и воспитания, легшие в основу формирования многих и далеко не изжитых сторон постсоветской действительности.

Этот момент тем более кажется важным, что он прямо связан с содержанием блестяще написанного заключения «Евразийский Союз: неосоветская или постсоветская геополитическая идентичность?», главные выводы которого основаны на большой доказательной базе и представляют собой материал для серьезных прогностических суждений. Евразийский Союз Д. Григорова предлагает рассматривать как геополитическую реальность, как один из возможных и оптимальных путей преодоления раскола между Востоком и Западом, как препятствие дехристианизации Европы, как путь

к взаимопониманию европейской христианской цивилизации и цивилизации ислама. Естественно, что серьезные вопросы, поставленные исследователем, требуют и предполагают их дальнейшее изучение.

Возвращение к пониманию феномена евразийства, изначально возникшему в философии XIX в., можно только приветствовать, но при этом сильнее ощущается недостаток конфессиональной проблематики в основном корпусе исследования. Кроме того, определенным свидетельством зависимости автора от свойственных современному западному, неолиберальному дискурсу оценок являются размышления о том, следует ли понимать Евразийский Союз как «неосоветскую» или «постсоветскую» геополитическую идентичность.

Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркну, что рецензируемая работа – серьезное, многоаспектное, подлинно научное исследование, заслуживающее самой высокой оценки со стороны исторического сообщества.

Е. Н. Цимбаева,
доктор исторических наук,
доцент истфака МГУ им. М. В. Ломоносова

А.И. Борзняк. ЖЕСТОКАЯ ПАМЯТЬ. НАЦИСТСКИЙ РЕЙХ В ВОСПРИЯТИИ НЕМЦЕВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX И НАЧАЛА XXI века. М.: РОССПЭН, 2014, 351 с.

Эта книга вышла из печати в конце 2014 г. и подвела итог не только большому отрезку исследований доктора исторических наук, профессора Липецкого государственного педагогического университета А. И. Борзняка, но и стала его последним словом, обращенным к читателю: 21 декабря 2015 г. Александр Иванович ушел из жизни.

Монография является расширенным и дополненным изданием книги А. И. Борзняка «Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого?», которая была издана в Москве в 1999 г. Российский историк обратился к анализу процессов «преодоления прошлого» в Германии. За этим словосочетанием стоит восприятие каждым немцем истории национал-социализма, развязанной им Второй мировой войны, нацистских преступлений, антигитлеровского Сопротивления.

Что изменилось за прошедшие 15 лет, какие вопросы были поставлены, какие сюжеты получили развитие в науке? С первых страниц введения, названного «Непрошедшее время»,

автор обозначил вектор размышления над проблемами, которые по-прежнему актуальны.

Формула «преодоление прошлого» появилась в Германии более 60 лет назад и для нескольких поколений немцев стала знаком трудного, противоречивого, но необходимого извлечения уроков из истории Третьего рейха. «Преодоление прошлого» стало результатом медленной, но постоянной работы историков, политиков, иных сил, формирующих общественное сознание современной Германии, гарантией от повторения в какой бы то ни было форме нацистского прошлого страны.

Монография построена по тематическому принципу и отражает поворотные моменты в германской историографии нацистской диктатуры. Книга состоит из 8 глав, каждая из которых несет в себе приглашение к размышлению, позволяет увидеть, как немцы трудно и медленно шли к осмыслению корней, проявлений и последствий нацизма. Одним из первых, кто задал немецкому послевоенному обществу «неудобные» вопросы о нацизме, был бывший узник Бухенвальда О. Гогон

(с. 16). Но его рукопись «Государство СС» завершена в августе 1945 г., увидела свет гораздо позднее. Немецкое общество отказывалось верить в возможность совершенных немцами массовых злодеяний, которые были обнаружены на Нюрнбергском процессе. А. И. Борозняк приводит выдержки из писем, направленных «простыми немцами» обвинителю от США на Нюрнбергском процессе Р. Джексону, в которых они не хотели даже слышать о национальной вине и национальной ответственности за нацизм (с. 18).

В 1950–1960-е годы среди государственных служащих, судей, политиков ФРГ было немало бывших нацистов. Государственные пенсии, на которые можно было безбедно существовать, получали бывшие гитлеровские чиновники, офицеры и генералы. В Боннской республике формировался идеологический климат, благоприятствовавший идеализации «простого немецкого солдата, честно выполнявшего приказ». На прилавках книжных магазинов появились многочисленные воспоминания немецких генералов, солдатские серийные истории, хорошо продавался роман Х. Конзалика «Врач из Сталинграда», на страницах которого немцы, вторгшиеся на советскую землю, представлялись жертвами Красной Армии (с. 42).

Но А. И. Борозняк, прекрасно ориентируясь в немецкой литературе, видит и другую сторону медали: он анализирует первые «неудобные» для спокойствия бюргеров публикации в немецких журналах, подробно описывает ожесточенные нападки «вечно вчерашних» на антивоенный роман Э. М. Ремарка «Время жить, время умирать» (с. 44), рассказывает о честной и правдивой книге И. Видера «Сталинград и ответственность солдата», вышедшей в свет в 1962 г.

А. И. Борозняк рассматривает развитие историографии ГДР, анализирует первые публикации, посвященные роли правящих элит Германии во Второй мировой войне. Историк делает вывод, что в ГДР «поиск научной истины ограничивался рамками жесткой идеологической установки» (с. 58), которая в материалах III съезда СДПГ приняла форму явно преждевременного тезиса, что в ГДР «ликвидированы корни фашизма».

Между тем в ФРГ происходили события, вселявшие прогрессивной общественности серьезные опасения: 24 декабря 1959 г. была осквернена синагога в г. Кёльне. В связи с этим прискорбным фактом было создано чрезвычайное заседание бундестага; влиятельные печатные издания выступили с серией статей о необходимости очистить государственный аппарат от бывших нацистов, пересмотреть

содержание школьных учебников истории. Автор подробно остановился на строительстве памятных комплексов на местах бывших концлагерей. Беседуя со многими первыми директорами и сотрудниками этих мемориалов и музеев, А. И. Борозняк пишет об их принципиальной и смелой позиции в отстаивании концепций памятных мест и выставок. Многие годы личной дружбы связывали российского историка с директором музея Дахау Б. Дистель.

В книге выписаны блестящие портреты немецких интеллектуалов, своими работами и непримиримой позицией повлиявших на изучение и переоценку национал-социализма: историк Ф. Фишер, воспитавший многих учеников в русле «критической исторической школы»; философы К. Ясперс и Т. Адорно, которые не страшились идти против течения, указывали на опасность забвения нацистской диктатуры; М. Брошат, возглавлявший в начале 1970-х годов Институт современной истории в Мюнхене; Г. Моммзен, научные сообщения которого на конференциях в российских университетах в 1990-е годы вызывали неизменный интерес. Военный историк М. Мессершмидт монографией «Вермахт в нацистском государстве» положил начало фрайбургской научной школе и вызвал яростное неприятие консервативного крыла западногерманской исторической науки.

Со многими немецкими учеными А. И. Борозняк был знаком лично, не один раз встречался и вступал в дискуссии. Большим достоинством книги является изложение взглядов и позиций ученых не только с помощью цитирования их трудов, но и личное восприятие автором их судеб, внешнего облика, манеры говорить, слушать и слышать собеседника.

Глава книги посвящена значительному событию в истории исторической мысли и исторического сознания ФРГ — «спору историков» 1986–1987 гг. Автор описывает общественные настроения, смену поколений, подробно анализирует парламентскую речь президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера в бундестаге 8 мая 1985 г. и дает ей высокую нравственную оценку: «Ни один германский политик послевоенного времени не поднимался до той высоты чувств и высокой честности перед историей, которых достиг в своей речи Вайцзеккер. Он точно и беспощадно сопоставил тогдашнее и нынешнее восприятие окончания Второй мировой войны» (с. 154). В споре историков, начатом Э. Нольте и А. Хильгубером, были поставлены «неудобные вопросы» о нацизме и войне; сразу же к дискуссии подключились авторитетные исследователи. Спор историков

консолидировал прогрессивную часть исторического сообщества Германии и показал, что давно разоблаченные старые тезисы о «превентивной войне» против Советского Союза, о «единоличной ответственности» Гитлера, о «чистом вермахте» вновь на вооружении «вечно вчерашних».

Во второй части книги анализируются новые темы, поднимаемые немецкими и российскими исследованиями. Это и развенчание мифа о «геройской» 6-й армии Паулюса¹, и публикация «Писем из Сталинграда»², и дискуссия о тоталитаризме, развернувшаяся после выхода на русском языке книги Х. Арендт³.

В начале XXI в. «проблематика Третьего рейха остается главной в структуре исторической науки и исторического сознания ФРГ», — отмечает автор монографии (с. 286). Общественное сознание ФРГ постоянно будируется: по всей Германии демонстрируется выставка «Преступления вермахта», перевернувшая представления о «чистом вермахте»; проходят общественная инициатива «Камни преткновения», или дискуссия о выплате компенсаций бывшим узникам концлагерей. Появляются новые книги немецких исследователей, которые получают благожелательные рецензии А. И. Борозняка. Это монография А. Гётца «Народное государство Гитлера. Грабёж, расовая война и национальный социализм»⁴, коллек-

тивный труд о немецких дипломатах в годы Третьего рейха⁵.

Один из сюжетов книги обращен к современной российской учительской аудитории. Речь идет о школьных сочинениях по истории, которые были инициированы президентом ФРГ Г. Хайнеманом в 1973 г., и отличались актуальностью и самостоятельными выводами школьников. А. И. Борозняк отмечает, что эти школьные сочинения «стали существенным дополнением к корпусу профессиональных исследований, в известной мере вызовом, обращенным к научному сообществу» (с. 191).

В заключении А. И. Борозняк ставит два вопроса: Поучителен ли для России германский опыт? Применим ли германский опыт в России? На первый вопрос историк отвечает положительно. Ответ же на второй вопрос неоднозначен: «Уроки Германии пока не запрошены в нашей стране» (с. 342).

Посвятив книгу своему отцу, погибшему в августе 1941 г. в боях под Киевом, А. И. Борозняк отдал личную дань памяти миллионам советских солдат, защищавших Родину, чтобы не выросли «зубы дракона» как в Германии, так и в России. Можно только пожелать перевести на немецкий язык труд российского ученого, который призывает «непрерывно сохранить жестокую память о прошлом». Это заставляет нас, его коллег и учеников, продолжать работать над проблемами преодоления прошлого.

Н. Э. Вашкау,

доктор исторических наук,

профессор Липецкого гос. пед. университета

¹ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M., 1992.

² Stalingrad. Eine deutsche Legende. Reinbek, 1992.

³ Аренд Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

⁴ Aly G. Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt a.M., 2005.

⁵ Борозняк А.И. «Некролог, который заслужили эти господа». Нацистское прошлое германских дипломатов. — Новая и новейшая история, 2011, № 4.